

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ МУЖЕСТВО

Замечательная писательница, лауреат Нобелевской премии Светлана Алексиевич в середине 80-х годов прошлого века опубликовала книгу «У войны не женское лицо». Светлана Алексиевич опросила более 800 женщин-фронтовичек. Их воспоминания вошли в книгу. После того как книга была опубликована, писательнице стали приходить письма от фронтовиков, мужчин и женщин. Добавить в книгу их не удалось — вмешалась цензура. Новостно-аналитический портал «Гордон» опубликовал отрывки из писем к Алексиевич, не вошедшие в книгу. Свидетельства эти страшные. Приведу одно:

«Утром каратели подожгли нашу деревню... Спаслись только те люди, которые убежали в лес. Убежали без ничего, с пустыми руками, даже хлеба с собой не взяли. Ни яиц, ни сала. Ночью тетя Настя, наша соседка, била свою девочку, потому что та все время плакала. С тетей Настей было пятеро ее детей. Юлечка, моя подружка, сама слабенькая. Она всегда болела... И четыре мальчика, все маленькие, и все тоже просили есть. И тетя Настя сошла с ума: „ У-у-у... У-у-у...“ А ночью я услышала... Юлечка просила: „Мамочка, ты меня не топи. Я не буду... Я больше есточки просить у тебя не буду. Не буду...“

Утром Юлечки я уже не увидела... Никто ее не нашел... Тетя Настя... Когда мы вернулись в деревню на угольки... Деревня сгорела... Тетя Настя повесилась на черной яблоне в своем саду. А дети стояли возле нее и просили есть...»

Далее идут разговоры с цензором, и они в высшей степени примечательны.

Из разговора с цензором:

— Да, нам тяжело далась Победа, но вы должны искать героические примеры. Их сотни. А вы показываете грязь войны. Нижнее белье. У вас наша Победа страшная... Чего вы добиваетесь?

— Правды.

— А вы думаете, что правда — это то, что в жизни. То, что на улице. Под ногами. Для вас она такая низкая. Земная. Нет, правда — это то, о чем мы мечтаем. Какими мы хотим быть!

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Автор 260 публикаций, в том числе девяти монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

Из разговора с цензором:

— Это — ложь! Это клевета на нашего солдата, освободившего пол-Европы. На наших партизан. На наш народ-герой. Нам не нужна ваша маленькая история, нам нужна большая история. История Победы. Вы никого не любите! Вы не любите наши великие идеи. Идеи Маркса и Ленина.

— Да, я не люблю великие идеи. Я люблю маленького человека...¹

Эти истории наводят на размышления: человеку свойственно формировать особую картину мира, в которой присутствуют фрагменты, адекватные объективной реальности (часто весьма значительные по объему), лакуны (то, что объявлено несуществующим, табуировано к упоминанию, «забыто») и ложные модели. Причем отклонения от реального не заданы гносеологическими проблемами, неполнотой наших знаний о реальности, неизбежным формированием ложных объяснительных конструкций в силу неполноты знания о конкретных аспектах реальности. Речь идет о присущей человеку потребности созерцания целостной, внутренне непротиворечивой, завершенной и психологически комфортной картины мира.

Кто-то скажет, так это всего лишь неполнота истинной картины мира, с некоторыми неточностями. Отдельные фрагменты опущены, отдельные аспекты комфортно интерпретированы, но и только. Мы же не отрицаем, что Волга впадает в Каспийское море. Ответ на подобные соображения принципиально важен: Картина, в которой фрагменты истины присутствуют вперемежку с сознательной ложью, есть высококвалифицированная, правдоподобная ложь.

Наши рассуждения адресованы не общностям и идеологическим инстанциям, а отдельному человеку. Ибо человеку дано выбирать между истиной, в том числе страшной, безобразной, безнадежной, и комфортной ложью, которую избирают по самым разным мотивам: конформизма, следования традиции, потребности в психологическом комфорте, стремлению убрать неудобное и т. д.

Ложная конструкция может быть комфортна, социально более перспективна, технологична. В частности, победа ортодоксального христианства в конкурентной борьбе с христианским гностицизмом (на этапе становления христианства как мировой религии в I–V веках и далее через всю историю христианской Ойкумены) задана тем, что гностическое миропереживание задает глубоко дискомфортную картину мира, а ортодоксальное христианство, в любых его изводах, успешнее примиряет человека с бытием. Ибо массовый человек взыскует не истины, а утешения.

В жизни каждого состоявшегося человека присутствует ключевое событие экзистенциального выбора. Об этом высказана масса тонких и глубоких суждений психологов и философов. Зафиксируем необходимость выбора и креативную сущность такого выбора. Для того чтобы состояться, необходимо обрести себя, заглянуть в глубинную суть собственной личности, осознать замысел Создателя, призвавшего тебя к жизни, то есть понять, в чем состоит именно твое призвание². И далее, ответив на эти вопросы, двигаться по избранному пути.

Экзистенциальный выбор — эмоционально насыщенный, целостный процесс постижения собственной сути. Он не равняется чисто интеллектуальному усилию. По нашему убеждению, одно из важнейших свойств состоявшейся человеческой личности, необходимое условие обретения свободы (свободы внутренней, духовной), выхода из состояния культурного автомата, в котором пребывает подавляющее большинство популяции землян, есть интеллектуальное мужество.

¹ «Гордон», 10.05.2015 — gordonua.com/publications/aleksievich-80220.html

² В советскую эпоху понятие «призвание» утратило свой исходный смысл и стало трактоваться как талант, врожденная способность к чему-либо. Между тем призвание предполагает как объект призвания, так и субъект; и в этом аспекте обретает глубокий религиозный смысл.

Эта сущность не дается человеку от рождения, однако может быть обретаема как результат непрестанных нравственных и интеллектуальных усилий. Предельно упрощая и обнажая суть, интеллектуальное мужество — это способность задумываться об обусловленности бесконечного множества якобы самоочевидных вещей, окружающих каждого человека с момента рождения. Сакральные сущности, базовые мифы, традиции, речения Власти, рассуждения авторитетов; то есть все то, что впитывается с молоком матери и представляется самоочевидным (а как же иначе), можно либо принимать, либо осмысливать, переплавляя в собственное мировоззрение, которое является вашим личным достоянием. Пространством реализации вашей свободы и вашей ответственности, то самое, за что вам предстоит ответить на Страшном суде.

Интеллектуальное мужество — характеристика личности, предполагающая, по всей видимости, некоторую врожденную потенцию, но тем не менее требующая постоянного развития и формирования, непрестанного движения в глубь слоев бытия. Способности додумывать до конца, называть все сущности своими именами и проговаривать результат вслух.

Проблема интеллектуального мужества требует обсуждения системных факторов, неизбежно трансформирующих картину мира.

Мышление и эмоции человека (а мышление сплошь и рядом нерасторжимо сплавлено с эмоциями) задаются многими факторами: биологическими, культурными, психологическими. Факторами стадийного порядка, поскольку мышление человека задается стадией исторического развития общности, к которой он принадлежит: архаическое мышление не тождественно мышлению традиционного общества, а традиционное не тождественно мышлению эпохи модерна. Стадийные скачки в мышлении разрывают континуитет исторического развития и создают проблему коммуникации, поскольку сущностной диалог между носителями стадийно различающихся способов мышления, по существу, невозможен.

Зададимся вопросом: можно ли объяснить носителю культуры, практикующей человеческие жертвоприношения, безнравственность этой исконной, вписанной в систему мифологических представлений практики и необходимость покончить с нею? Практически борьба с человеческими жертвоприношениями шла через запрет и смертную казнь нарушителей запрета. Также изживались людоедство, работорговля, кровная месть.

Мы коснулись широчайшего проблемного пространства. Не притязая на глубокую разработку всех этих исследовательских сюжетов, попытаемся просмотреть обозначенное пространство в порядке самого предварительного обзора.

Прежде всего надо уметь видеть как биологическую, так и культурную детерминацию нашего мышления.

Биологическая детерминация

Начнем с того, что зафиксируем существование этого уровня детерминации. Дети, особенно малые дети, исходно порождают трогательную реакцию у взрослых. Любопытно то, что эта реакция носит подлинно универсальный характер и распространяется на остальных млекопитающих. Есть особенности анатомии, строения черепа, лицевой мимики и поведения, присущие всем млекопитающим. В человека биологически заложено умиленное приятие образа ребенка, которое гарантирует позитивное отношение к малому и беззащитному существу. Нам в равной степени греет душу созерцание котенка, щенка или тигренка. Это, кстати, то, что

отличает млекопитающих от динозавров и обеспечило млекопитающим мощное эволюционное преимущество.

Восприятие противоположного пола. Людям свойственно онтологизировать собственные эстетические реакции, не задумываясь особенно об их истоках и телеологии. Мне естественнее говорить о восприятии женщины. Категория прекрасного бесконечно сложна и многопланова. Там можно выделять множество уровней. Если же мы говорим о восприятии представителей противоположного пола, то, помимо сложно выявляемых предпочтений, заданных генетически (антропологический тип, цвет волос, пластика движений), и культурно заданного восприятия (свой/чужой в культурном и субкультурном смысле), работает симультанное восприятие меры оптимального строения, переживаемого в категориях привлекательности или красоты. Об этом достаточно сказано и написано. Длинные ноги из палеолита (сообщества охотников проходили десятки километров в день). Бедр — гарантия успешных родов и так далее. Понятно, что на эти универсалии накладываются вариации моды, колебания, заданные этноплеменными различиями (земледельцы, кочевники на конях и в кибитках, лесные народы). Причем переходящие от предков генетически заданные предпочтения исходны и не осознаются в своем качестве, а заданы они для того, чтобы, выбирая партнера, воспроизвести своих предков³.

Биология ответственна и за восприятие видového другого как полюса растожествления. Посмотрите на реконструкции неандертальца. По первому взгляду они малосимпатичны, напоминают примитивных, спившихся маргиналов и вызывают отчуждение. Это биологически заданное отторжение *конкурента homo sapiens* на сравнительно близком от нас этапе эволюции человека (последние неандертальцы исчезли 25—40 тыс. лет назад). Большие обезьяны как конкуренты не воспринимаются и отторжения не вызывают. Близкие, хотя не настолько выраженные реакции на расово иного можно наблюдать в традиционных гомогенных обществах. Расово иной воспринимается как другой, конкурирующий вид.

Наконец, биологические механизмы задают общее отношение человека к миру. Но об этом мы поговорим позднее.

Перейдем к культуре

Культурная детерминация значительно сложнее, многообразнее и драматичнее.

В самом общем виде культура и человек находятся в субъект-субъектных отношениях. Создатель инноваций может как разрушать культуру, так и развивать, адаптируя к изменениям общеисторического и социокультурного контекста. Для этого в каждой культуре есть механизм тестирования инноваций. Этот механизм вырабатывает решения: кого на костер, что положить в долгий ящик (потом пригодится), что внедрять, но «по-тихому», незаметно, а что объявить возвратом к истокам и внедрять широко и т. д. Что же касается массового традиционного человека, то он представляет собой культурный автомат. Все возможные и мыслимые для него реакции заданы врожденной культурой. Вариации (микросреда, личностные характеристики, социальный статус) покрываются целостностью данной культурной традиции.

Культура использует массу механизмов управления сознанием своих носителей. Это и иррациональный ужас от мысленного прикосновения к сакральным сущностям, табуированным к осмыслению. Это и рефлекторный конформизм. И заданное культурой ранжирование тем и дискурсов, разделение всего множества возможных тем

³ Я осознал свои предпочтения только в очень зрелом возрасте. Все они исходили из генотипов моих предков и подчинялись задаче родить ребенка, воспроизводящего исходные характеристики. Что, собственно, и случилось.

на солидные, принятые в приличном обществе и непристойные, нарушающие правила игры. Это и демонизация определенных исходных установок и их носителей. Это и клевета на противостоящую позицию, и, наконец, формирование пакета устойчивых дискурсов — оформляющих накатанные процедуры и формы выражения своих мыслей. Что всякий раз приводит к устойчивым и ожидаемым результатам.

Дело в следующем: каждая культура постоянно конкурирует с другими культурами за два ресурса: людей и территорию. Поскольку человек, в силу массы самых разнообразных обстоятельств, может покинуть врожденную ему культуру и перейти в другую, культура ценностно ранжирует мир на позитивный «наш» и негативный «их». А также закладывает иррациональный страх перед утерей врожденного образа жизни, привязывает человека к месту рождения, демонизирует исторические альтернативы «нашему» миру (к примеру, взаимная неприязнь кочевников и земледельцев) и так далее. В равной степени культура требует выполнения предписанных правил игры, подавляет диссистемные тенденции и вписывает в общую целостность контркультурные и субкультурные образования. Иными словами, манипулирует человеком, двигая его в нужном направлении.

Поколения советских людей из года в год ходили на выборы и переживали выборы как особый советский праздник (существенный элемент которого — буфет на избирательном участке с дефицитными продуктами). Ядро этого праздника — ритуал припадания к Власти и единения со «всем советским народом» в акте голосования за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Только продвинутые интеллигенты с широким кругозором (выводящим их из множества нормальных советских людей) осознавали фарсовый характер советских выборов без выбора. Я уже не говорю о том, что миллионы людей *действительно верили* в построение коммунизма. Индоктринированный советский человек был честным и искренним носителем предписанной доктрины.

Для того, кто скажет, что приведенные примеры — дела давно минувших дней, предлагаем обратиться к сюжету на Первом канале российского телевидения от 12 июля 2014 года о трехлетнем мальчике в трусиках и футболке, распятом жидобандеровцами в городе Славянске. Один солдат прибывал, двое держали.

Можно перечислить и другие ухищрения. Необходимо интеллектуальное мужество для того, чтобы осознать, что родная, впитанная с молоком матери культура не является ни антропологической универсалией, ни лучшей из всех возможных. Это — один из вариантов бытия человека. Кому-то он близок, кому-то — нет, а для кого-то является сущностью, отрицающей его бытие.

Повторим еще раз: от момента антропогенеза и до сегодняшнего дня культура манипулирует человеком. Прежде всего она трансформирует суждения об онтологическом статусе себя самой, а также пропорции времени и пространства. Любая культура (локальная цивилизация) не что иное, как модус, выдающий себя за субстанцию. «Наша» культура исходна и вечна⁴. Мы не один из тысяч вариантов социокультурной целостности, реализованный в истории человечества, а антропологическая универсалия. Массовый американец полагает, что все люди на земле похожи. Все хотят демократии, свободы, общества равных возможностей, прогресса и развития и т. д. Если где-то люди этого лишены, то в силу тех или иных обстоятельств. Дайте им возможность, и они устроят нормальное общество. (Темные, запуганные люди; если их просветить, разъяснить и дать возможность организовать подлинно свободное общество, все пойдет прекрасно.) Идея о том, что для массового гражданина КНДР не просто нормальной, но единственно возможной является данная ему от рождения реальность, не укладывается в голове среднего «янки».

⁴ Исходна если не в эмпирическом смысле, то как тенденция присутствовала со дня творения.

Между тем онтологический раб постоянно озабочен тем, чтобы из бытия была исключена свобода, и готов отдать все силы и самую жизнь ради утверждения и сохранения естественного и органичного для него социокультурного космоса.

Правильный носитель традиционного сознания не в состоянии представить себе, что мир может быть устроен как-то иначе. Не получивший европейского образования традиционный индус воспринимает живущих рядом с ним христиан и мусульман как представителей отдельных каст. Идея о том, что возможны общества, в которых нет кастового разделения, не вмещается в его сознании.

Далее, культура задает трансформированную и отредактированную определенным образом картину реальности.

Начнем с самого первого, базового процесса наделения сущностей именами. Культура дробит универсум, выделяя отдельные сущности (процессы и явления) и дает им имена, в которых нерасторжимо слито познание и оценка. Таким образом задается определенная картина мира. То, что в языке одной культуры представлено как позитивное и естественное, в другой может иметь совершенно иные оценки. К примеру, «кровная месть» — это освященный традицией обычай и моральный долг, лежащий на семье, в которой был убит один из ее членов, или варварский пережиток догосударственного бытия, требующий решительного искоренения? «Убийства чести» — непреложная норма исламского мира или еще один омерзительный пережиток средневековья?⁵

И дробление универсума, и наделение знаков определенными денотатами не является ни единственно возможным, ни бесспорным. Так, в русском языке отсутствует понятие «private» (прайвиси). Иногда можно встретить перевод — «приватное пространство». Носитель отечественной культуры не склонен осознавать свое «приватное пространство» как значимую сущность, охранять ее от посягательств и, соответственно, уважать чужую приватность.

Вспомним подлинно хамскую бесцеремонность, с которой люди из простонародья вмешиваются в чужую жизнь. Поучают, дают советы. Делается это из лучших побуждений, для блага объекта вмешательства. Идеи о том, что бесцеремонное вторжение в чужое личное пространство безнравственно, не обретается в сознании этих людей. Для того чтобы осознать это, необходимо выпасть из синкретического целого и стать автономной личностью.

Со словом «приватное» в русском языке соотносится понятие «частное». Однако они кардинально различаются по смысловому и ценностному наполнению. Смысл слова «приватный» можно описать как *принадлежащий личности*. Отсюда английская языковая конструкция *private property*, которая по своему генезису и смысловому наполнению не тождественна понятию «частная собственность», хотя переводится на русский именно так. Дело в том, что в русском сознании *часть ниже целого*. Целое позитивно и онтологично, часть — ущербна, второстепенна и онтологически менее безусловна, нежели целое. Вспомним советское идеологическое ругательство «отщепенцы». Оно апеллировало к образу: есть наше, советское бревно. Мощное и могучее. И вот в силу случайных обстоятельств от него откололась малая щепочка. Откололась и повисла на тонком волоске. Одно движение, дуновение ветра, и случится непоправимое: щепка оторвется и улетит в пропасть.

Русский язык фиксирует стадию исторического развития, на которой начинался процесс разложения родовой либо соседской общины и, соответственно, выделения

⁵ Культурная норма, требующая от родителей или братьев покарать нарушителя священных норм и адатов. Жертвами чаще всего становятся девушки, посягнувшие на нормы исламской морали: вышли замуж за иноверца, покинули без разрешения отчий дом или сделали аборт. По оценкам Фонда народонаселения ООН, в исламских странах совершается до пяти тысяч убийств чести в год.

из нее отдельного человека и частной собственности как социального базиса личностной автономии. Но это — особенность русского сознания. К примеру, в польском и украинском языках данная речевая конструкция строится калькой с английского: *własność prywatna* — в польском и *приватна власність* — в украинском.

Далее, в каждой культуре происходит ценностное ранжирование универсума — все реалии делятся на сакральные, важные, профанные, неприличные, табуированные к упоминанию и осмыслению. Средний советский человек прекрасно знал, что такое политинформация и стахановец, но понятия не имел об ипотеке, валютности и финансовых рисках. В результате формируется специфическая картина мира, в которой названы и выделены как значимые, заслуживающие внимания одни существности и отправлены в фон как второстепенные, неприличное или табуированное другие. Скажем, в советской реальности существовали искусенные в истории знатоки, понимавшие значение словосочетания «запломбированный вагон» (речь идет о вагоне поезда, идущего через Германию от Швейцарии к Швеции, в котором в апреле 1917 года лидеры большевиков переправлялись в Россию). Однако обсуждать этот эпизод отечественной истории вслух категорически не рекомендовалось.

Язык закладывает глубинные основания миропереживания на уровне своей структуры. Фраза «Это — стол» по-английски звучит «This is the table», что дословно означает «Это есть стол». Во французском варианте «C'est un table». Из русского языка выпала связка «есть/суть» в составных именных сказуемых. Мы не отдаем себе отчета в том, что тысячекратное повторение конструкции «это есть...» утверждает *онтологическую безусловность окружающей нас реальности*, которую можно попытаться изменить, но нельзя отредактировать. Ибо *это есть или это было*.

В русской культуре отсутствует глубинное убеждение в объективности мира, лежащего за рамками наших перцепций. Его существованию по собственным законам, помимо нас и независимо от наших пожеланий. Автор помнит лозунг «Реки потекут вспять», звучавший еще в 50-е годы прошлого века. Самая идея построения коммунизма предполагала *изменение природы человека* и системы общественных отношений. Хилиастический проект как фундаментальное богоборческое усилие исходил из *пресуществления* этой природы, претворения ее в точке входа в Царствие Небесное. Для европейца, исходившего из научно-рациональной картины мира, такие построения лежали за рамками здравого смысла, в пространстве средневекового упования на чудо и благодать.

Надо сказать, что русская культура наделена гигантским потенциалом противостояния объективной истине. Здесь сразу вспоминается Достоевский, писавший: «Если б кто доказал мне, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Это существенно. Данная установка реализуется не только на уровне философского суждения, но и в тысячах обыденных ситуаций.

Помню, в молодости меня поражала глубочайшая безнравственность советского общества. Причем на самом массовом, низовом уровне. Детям ввали об аистах, от них скрывали сложные обстоятельства и проблемы старших. От больных стариков скрывали смертельный диагноз. Из самых лучших побуждений, «чтобы не расстраивать». В сознании носителей этой культуры истины как непреложной, абсолютной ценности не существовало. Я уже не говорю о том, что люди постоянно ввали по мелким, сиюминутным и грошовым поводам (трамвай сломался, у троллейбуса колесо отвалилось, застрял в лифте и т. д.). Истинно то, что выгодно, то есть предпочтительно в данный момент по тем или иным мотивам. Как это замечательно пересекается с памятным старшему поколению тезисом Ленина: «Нравственно

все, что служит построению коммунизма, делу революции»⁶. В культуре с другими этическими традициями Ульянов-Ленин не имел бы шансов реализовать свои идеи.

В исламском мире бытует изречение «Даже Аллах не в силах сделать бывшее небывшим». В нашей реальности все иначе. Если мир не являет собой непреложную объективность, его можно корректировать, подправлять, редактировать, увязывать с образом сакрального Должного.

Это — еще не все. К примеру, понятие проблемы представляется нам самоочевидным. На самом же деле это не так; культура определяет, что есть проблема и каковы «правильные» пути решения этой проблемы. К примеру, традиционное крестьянство России хронически страдало от малоземелья. В традиционной семье рождалось и выживало несколько сыновей, которые заводили собственную семью, а земельный надел был конечен. Участок земли меньше определенного предела не мог прокормить новую семью. Из этой ситуации существовали три выхода: переселенческое движение на пустые земли, отход от традиционной технологии и освоение новых, прогрессивных технологий и, наконец, так называемый «черный передел», то есть всеобщий передел земли и ликвидация помещичьего землевладения.

Переселение было достаточно сложным и дорогим предприятием, пустые земли существовали на окраинах государства. Крестьяне с трудом поднимались на переезд, а случалось, и возвращались обратно. Власть и земская интеллигенция подвигала крестьян к освоению новых технологий, от чего традиционно ориентированный крестьянин категорически отказывался. Патриархальная крестьянская культура видела решение своей главной проблемы посредством «черного передела». Крестьяне постоянно ждали «государевой воли», которая ликвидирует частную собственность на землю и передаст все пахотные земли в руки крестьянской общины. С этими упованиями крестьянство вошло в Февральскую революцию. Декрет о национализации всей земли и установлении бесплатного крестьянского землепользования от 12 ноября 1917 года обеспечил победу большевиков в Гражданской войне. Восторжествовало крестьянское понимание Должного, соответствующего традиционной культуре и отвечающее вековым упованиям крестьянства.

Так мы переходим к теме должного: Должное — одна из центральных категорий средневековой культуры, описывающая совершенный идеал, трактуемый как сакральная норма. Должное невоплотимо в реальности, поскольку противостоит природе человека и природе социальных отношений, однако понимается как норма, которая обязательна для каждого правоверного и однажды воссияет во всей полноте.

Должное — сакральная истина, которая истинна в некотором высшем смысле. На уровне пошлой эмпирики реальность (сущее) может не соответствовать должному. Не соответствовать здесь и теперь. Но соответствовать божественному замыслу, который непременно будет реализован в точке пресуществования. Пошлый и бескрылый европеец исследует объективную реальность; носитель идеи должного, вглядываясь в образ реальности, провидит замысел Создателя и узнает контуры этого замысла, скрытые в хаосе случайных и сиюминутных примет времени. В этой связи примечательна теория «социалистического реализма», которая предписывала литературе не элементарную правдоподобность, фиксирующую скорбные и убогие реалии нашей жизни, но отражение в художественных произведениях «типического», а типическим была борьба за построение социалистического общества, победа новых людей и утверждение новых идей на фоне краха поборников старого мира.

Что побуждало людей верить в должное и принимать его как краеугольный элемент культурного космоса? Дискурсы должного проходят через всю жизнь традиционного человека «от младых ногтей» до гробовой доски. Культура позиционирует

⁶ Ленин В. И. «Задачи союзов молодежи». Речь на III Всероссийском съезде РКСМ. 2 октября 1920 года.

должное как безусловную нравственную истину (по правде, по справедливости), которая воспринимается как самоочевидная сущность. Главный обман и главное жульничество культуры состоит в том, что должное постоянно декларируется, но практически никогда не реализуется субъектами этих деклараций. Апелляции к должному и развернутые сокрушения по поводу того, что «они» (начальство, богатые, соседи, пришлые инородцы, молодежь) систематически попирают и уклоняются от должного, соседствуют с неуклонным попранием принципов сакральной справедливости поборником должного в тысячах жизненных ситуаций. Осуждающий общественные пороки при первой необходимости «дает на лапу», при первой возможности подворовывает общественное достояние, требуя от окружающих солидарности, бежит донести на соседа и т. д.

Не менее значимы расхожие мифы и предубеждения, которые пронизывают сознание среднего носителя культуры. Исходно настороженное отношение к «инородцам», насмешливо-пренебрежительное отношение горожан к «деревне» — приезжим и мигрантам. Все эти фобии можно обобщить: чужое исходно инородно и всегда опасно. Никогда нельзя знать, что сделает чужак в следующий момент. В глубинке доживает настороженное отношение к европейской медицине. Врачи — это что-то чужое и непонятное, а потому опасное. Вот бабка Марья, которая искони лечит «наших» травами и заговорами, — это понятно и привычно. «А все эти таблетки одно лечат, другое калечат». А борьба с вакцинацией, по всему миру от Пакистана до США. Мифы и предубеждения неисчислимы. Летающие тарелочки, массоны, рептилоиды. На смену одним мифам приходят другие, но само пространство мифов не оскудевает, поскольку мифы удовлетворяют базовой потребности архаического сознания в изоморфной этому сознанию картине мира.

Исходно мифологическое сознание — достояние архаиков и традиционалистов. Однако рациональное европейское образование не оберегает массового человека от мифологизации сознания. Нас окружает множество интеллигентских мифов. К примеру, расхожая антитеза «хорошие народы — плохие правители». Народы исходно и безусловно хороши: во всех проблемах и исторических коллизиях ответственность ложится на плохие правительства. Эти построения повторяются бесчисленно и воспринимаются как самоочевидные. Понятна гуманистическая составляющая первого члена данной антитезы. Другое дело — правители. Оторванные от народной стихии и подчиняющие мир своекорыстным интересам, они подвигают людей на зло. Иными словами, данная картинка хорошо вписывается в общеинтеллигентскую картину мира.

В некотором смысле все народы и народности, безусловно, хороши. Однако в реальности стадиальные характеристики тех или иных этносов, политические и идеологические коллизии соотношения с другими народами создают ситуацию, в которой один хороший народ вырезает другой, не самый плохой народ. Сравнительно недавно, в апреле—июле 1994 года, в Руанде члены племени *хуту* вырезали от 500 тысяч до миллиона *тутси*. Тутси массово насиловали, избивали и умерщвляли, их имущество присваивали. Межнациональная рознь между тутси и хуту имела долгую историю. В геноциде тутси участвовали армия и отряды боевиков (интерхамве и импузамугамби). Однако большинство жертв погибло в населенных пунктах от рук соседей и местных жителей. Геноцид в Руанде — реальность, от которой нельзя отмахнуться. Эти события не свалишь на преступное правительство и плохих эсэсовцев. Перед нами — подлинно народное творчество, в котором участвовали десятки, если не сотни тысяч людей.

Геноцид армян, понтийских греков и ассирийцев, начавшийся в Османской империи и продолженный кемалистами, охватывает достаточно длительный период

(1894—1923). Геноцид преследовал стратегическую цель — выдавить иноверцев с территории страны (прежде всего — Малой Азии). Основанием для этого служили опасения сецессии регионов с православным греческим, армянским и ассирийским населением. Первая фаза геноцида армян развернулась в 1894—1896 годах (Стамбул, Сосун, район озера Ван). Оценки убитых в сотни тысяч душ. В то же время в 1895 году разворачивается геноцид ассирийцев. При этом порядка 55 тысяч уничтожено, а 100 тысяч — насильственно исламизированы.

В апреле 1915 года, в связи с нападением франко-британских сил на Дарданеллы, началось выселение армян из близких к побережью районов в район города Конья, неподалеку от Ирака и Сирии. Как это происходило? Консул в Трапезунде докладывал, что каждый день видит, как орава ребятишек и турецких женщин идет за полицией и захватывает все, что может унести⁷.

Затем последовали растянувшаяся на несколько лет депортация и геноцид понтийских греков — уничтожение коренного греческого населения исторического Понта (проживавшего на данной территории более двух тысяч лет), осуществленное правительством младотурок и продолженное кемалистами в период 1914—1923 годов. В рамках так называемой Освободительной войны (май 1919—1923) под руководством Кемалья Ататюрка шла война против христианских меньшинств — греков и армян. С мая 1915 года разворачивается следующая волна геноцида ассирийцев. Идут массовые убийства и насильственное выселение ассирийского населения в пустыни Сирии и Месопотамии. В этой работе принимали активное участие курдские племена.

Последний аккорд процессов уничтожения христианских народов на территории Турции — так называемый «Стамбульский погром» 6—7 сентября 1956 года в Стамбуле. Как пишет Википедия: «После погрома 2,5-тысячелетняя история греческого присутствия на территории современной Турции подходит к концу»⁸. Пострадали около 80 церквей, 4500 магазинов, 2500 квартир, 40 школ⁹. На этот раз число убитых было невелико. Ставилась цель — *выдавить* греческое население из страны. Так погромщики разрушали кладбища. При этом не только осквернялись памятники, но раскапывались могилы, из которых выбрасывали кости умерших. Грекам объясняли: «Уезжайте. Вам не будет покоя ни при жизни, ни после смерти». В результате из 140 тысяч греческого населения в городе остается несколько тысяч.

Понятно, что эти растянувшиеся на долгие десятилетия события нельзя списать на преступных правителей, группы радикалов и отдельных фанатиков. Перед нами подлинное историческое творчество широких народных масс. В отличие от погромов средневековья, геноцид христианских народов Османской империи и Турции, как и геноцид в Руанде, происходили сравнительно недавно и хорошо документированы. Эти свидетельства позволяют оценить масштабы и увидеть фактуру событий: разграбление имущества, убийства и изнасилования, вскрытие могил.

Оценка народов и народностей в категориях «хороший/плохой» бессмысленна. Народы различаются стадией исторического развития. Стадии эти задают типологию ментальности, которая определяет универсум человеческого поведения. На определенных стадиях вандализм, уничтожение противника, изгнание босых и голых на верную смерть — нормальная практика. Так же как людоедство, человеческие жертвоприношения, работорговля и т. д. На другой стадии эти эксцессы воспринимаются как абсолютно невозможные. И, безусловно, рядом с теми, кто грабил и убивал, находились другие, которые спасали, прятали несчастных, помогали скрыться. Сколь бы ни был мал и даже ничтожен процент этих «других» —

⁷ См: <http://fb.ru/article/260178/pochemu-turki-ne-lyubyat-armyan-genotsid-armyan-goda>

⁸ Википедия. Словарная статья «Стамбульский погром» — ru.wikipedia.org/wiki/Стамбульский_погром

⁹ Там же.

они были и будут. Знание об этом и уверенность в устойчивости данной категории дает нам силы жить на этой земле.

А вот еще одна прекрасно звучащая интеллигентская мантра: каждый человек от рождения в чем-то одарен и потенциально талантлив. Каждый в детстве-юности мечтал о прекрасном. Мы, общество, не смогли увидеть заложенные в нем потенции. Развить их, дать раскрыться. Вот человек и спился, сошел с круга, совершил преступление. Ложь это. Биологи свидетельствуют: в нормальной популяции млекопитающих 3–7 % «искателей», ориентированных на освоение новых территорий, одаренных особей¹⁰. Остальные созданы для обживания устойчивой реальности, воспроизводят вечные модели бытия, плодятся и размножаются. Бывает, что талантливый человек задыхается в корежащей его среде и сходит с круга. Но на каждого такого приходится десятки заурядных, бесконечно скучных, бескрылых людей, которые проживают тоскливую и однообразную жизнь. Если они маргинализуются и погибают от потребления варварских наркотиков или спиртосодержащих хозяйственных жидкостей, то перед нами не трагедия нераскрывшегося таланта, а трагедия бескрылой заурядности, не нашедшей ни своего места в жизни, ни сил нести бремя существования в этом мире. В подобных процессах нет вины общества, школы или окружения (это окружение, как правило, мало отличается от погибшего). Есть жестокая поступь законов природы.

Особого внимания заслуживают две великие мифологии — Просвещения и Прогресса, доминирующие в европейском сознании последние два-три века. Надо заметить, что следует различать концепции просвещения и прогресса и мифологические интерпретации этих теоретико-идеологических конструкций. Массовому человеку свойственно мифологизировать любые теоретические модели, попадающие в поле его зрения.

Начнем с Просвещения. Свет знания, рассеивающий темноту невежества и просвещающий живших во мраке несчастных, которые, просвещенные светом знания, идут к новой, счастливой жизни, — это сказка. В реальности научно-рациональная картина мира отрицает и разрушает альтернативную ей модель Вселенной, структурированную мифологическими комплексами архаического сознания. Картина эта существовала тысячелетия, необычайно цепкая, закреплённая в каждой клетке социокультурного пространства (в фольклоре, мифах, убеждениях), и то и дело прорастающая в новом «просвещенном мире» в новых/старых мифах, ментальных привычках, фантастических слухах и поверьях.

Разрушение культурной парадигмы, слом картины мира — всегда трагедия, раскалывающая поколения, проходящая через судьбы людей, травмирующая сознание, которое стремится примирить, сшить воедино исконные модели миропереживания и новые установки. На такую смену уходят века. Но в реальности общество расслаивается, и рядом со слоём, преимущественно живущим в Новом времени, существует слой по преимуществу традиционный, обреченный на периферию социокультурного пространства и маргинализацию.

Прогресс не только завершает эпоху перманентного голода и безобразной нищеты социальных низов, но и несет массу проблем. Он уничтожает профессии, ликвидирует целые отрасли экономики, рушит устойчивый образ жизни, стирает с карты населенные пункты, ведет к переселению в мегаполисы миллионов людей и обезлюживанию огромных пространств. Современные ученые, исследующие проблемы модернизации, работают с понятием «созидательное разрушение»¹¹, указы-

¹⁰ В современной реальности homo sapiens этому соответствуют 5–7 % индивидуумов с выраженной личностной ментальной доминантой.

¹¹ См: Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2016.

вая, что технологические инновации приносят обществу процветание, но эти результаты сопровождаются созидательным разрушением, затрагивающим работу и образ жизни массы людей, которые оказываются вчерашними и ненужными в новой реальности. Прогресс несет перманентные изменения. Все это — полноценная человеческая трагедия. Порожденная прогрессом реальность в буквальном смысле утверждается на костях вчерашних, проигравших социальных общностей, поколений, племен и народностей, которые не смогли вписаться в новый, яростный мир. Историческая динамика неизбежна и единственно возможна, но она всегда порождает человеческие трагедии.

А есть и особый механизм исторического снятия больших нетрансформативных целостностей, о котором не любят говорить вслух. Речь идет о том, что стадially вчерашние сообщества, оказавшиеся в резко изменившейся реальности и неспособные к необходимому изменению, переживают глубокий кризис и входят в разнообразные процессы исторического снятия. Для того чтобы живо представить себе, о чем речь, достаточно обратиться к судьбам сельской глубинки Нечерноземья, которое от тоскливого прозябания позднесоветской эпохи перешло к вымиранию и деградации. Колхозы и совхозы кончились, все, что можно было растащить, ушло сквозь пальцы. Наиболее подвижные сбежали в мегаполисы. Оставшиеся спиваются, гибнут в бессмысленных драках, замерзают в неотапливаемых помещениях. И это не единственный сценарий схождения с исторической арены общностей, зашедших в тупик. Они могут гибнуть в бессмысленных войнах, исчезать на пути в неведомые дали¹².

Негативные последствия трендов глобальной исторической динамики многообразны. В самое последнее время специалисты стали называть вещи своими именами и заговорили об *эпидемии ожирения*, поразившей человечество. За последние 15—20 лет число избыточно тучных людей выросло на порядок. От них некуда спрятаться. Нарушение биологических констант бытия homo sapiens даром не проходит. Десятки тысяч лет люди периодически недоедали, жили под угрозой голода, переходили с места на место в поисках элементарного пропитания. Хоронили близких и жили с ощущением, что смерть где-то совсем рядом. В 50-х годах прошлого века вначале США, а затем Западная Европа вступили в эпоху общества потребления. Во второй половине XX века голод отступил по всему миру и стал локальным явлением. Ситуация, когда пропитание гарантировано, стала естественной и превратилась в константу бытия. Человеческая природа мгновенно отреагировала на это массовым ожирением, то есть ухудшением качественных характеристик популяции¹³.

Рост плотности населения земного шара ведущий к истощению территории и ресурсов, задал мощный импульс объемного роста гомосексуальных практик и изменения культурного статуса этого явления. Гомосексуальные отношения существовали всегда. С утверждением христианства они были отодвинуты за рамки Должного во внекультурное пространство и занимали незначительный объем. Сегодня наблюдается резкий рост и легализация гомосексуальных практик. Это очевидным образом связано с демографическим переходом в урбанизированных обществах, а также с окукливанием белой расы. Но об этом не говорят вслух.

¹² В конце XIX — начале XX века русские крестьяне-старообрядцы целыми партиями отправлялись из Бухтармы (Алтай) на поиски Беловодья — сказочной страны свободы и справедливости. Эти экспедиции не только заходили в глубь Китая, но добирались до Северной и Южной Америки.

¹³ У автора есть ощущение, что резкое ожирение коррелирует со снижением рождаемости. И в этом отношении выступает одной из форм выведения из бытия популяции, нарушившей базовые условия существования.

Прогресс медицины ведет к накоплению генетического груза и разрушает устойчивые биологические механизмы пресечения нежизнеспособных, тупиковых «побегов». Женщина, которая прежде не могла разродиться, умирала родами и завершала тем самым нежизнеспособную линию развития. Сегодня она рождает, и ее потомки воспроизводят и накапливают генетические проблемы. Те же процессы связаны с выхаживанием детей с врожденными заболеваниями и аномалиями. Здесь мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием. Святое родительское чувство и прогресс медицины разрушают естественный биологический механизм саморегуляции, отсекающий воспроизводство неадаптивных особей.

Человек фундаментально не создан для счастливой и спокойной жизни; он, как и все остальные виды млекопитающих, создан для выживания в жесткой и стрессогенной конкурентной среде. А будучи вырванным из этих условий, стремительно деградирует как биологический вид.

Люди, пару поколений прожившие в обществе потребления, не отдают себе отчета в том, что перманентная опасность голода и смерть — неустранимые условия существования. И более того, что за сотни тысяч лет сложилась устойчивая психологическая потребность в проживании и переживании этих состояний. В первое послевоенное десятилетие европейский и американский кинематограф снимал красивые костюмированные сказки из жизни высшего общества прошлых веков. Люди, пережившие ужасы мировой войны, искали красивую сказку и образы покоя. Но в 60—70-х годах в массовую культуру приходит жанр фильмов катастроф. С одной стороны, фильмы катастроф художественно оформляли перспективу ядерной войны. А с другой — реализовывали потребность населения евро-атлантического мира в художественно замещенных образах смерти. Малые дети пугаются страшного мультипликационного волка, но они испытывают потребность в переживании эмоционально оформленного образа смерти. И это не ограничивается кинематографом XX века. Мир народной сказки и фольклорной песни несет тот же образный строй. В замечательной народной песне «Баю-баюшки-баю, не ложися не краю...» входящий в жизнь ребенок обретает важнейшую истину: прижмись к маме, смерть бродит где-то совсем рядом.

Здесь имеет смысл обратиться к эксперименту американского этолога Джона Кэлхуна «Вселенная—25» (Universe 25) (1969—1970.). Ученого интересовали связи между популяционной плотностью и поведением сообществ грызунов. Для мышей был создан «рай» (изобилие еды, чистота) в строго ограниченном пространстве. Вслед за взрывообразным ростом популяции на начальном этапе наступило снижение темпов, появились отверженные молодые особи, росла агрессия. Самки стали убивать своих детенышей, становились агрессивными отшельниками и отказывались от размножения. На последней стадии, или «стадии смерти», появилась генерация самцов, названная «красавчиками». «Красавчики» не вступали в борьбу за самок и территорию, не проявляли активности к размножению — только ели, спали и чистили шерстку. К моменту завершения эксперимента вся популяция вымерла.

Предвидя катастрофу, несколько самок и самцов-«красавчиков» были перенесены в отдельные загоны. Обнаружилось, что мыши и там не пытаются спариваться. К изумлению ученых, покинувшие рай мыши, свое поведение не изменили и отказались выполнять функции, связанные с репродукцией. В итоге не было новых беременностей, и все мыши умерли от старости. Иными словами, трансформация, которую пережило сообщество мышей, включенное в эксперимент, оказалась необратимой.

Эксперимент Джона Кэлхуна в высшей степени поучителен и наводит на размышления. Специалисты говорят о том, что прогресс геной инженерии позволит

корректировать любые врожденные дефекты. Далее прогресс технологий может снять проблему размножения, минуя сексуальные отношения между людьми. Наверное, все это возможно. Однако такой уровень вмешательства в природу человека представляется мне запредельным, и жить в этой стерилизованной реальности категорически не хотелось бы. Слава богу, до той поры я не доживу.

Отдельного разговора заслуживают идеологические искажения реальности

Если культура трансформирует картину мира сравнительно мягко и слабо заметно, то любая идеологическая традиция воинственно партийна. Культура существует в более или менее гомогенной реальности. Она всеобща и самоочевидна. Идеологии возникают и существуют в мире, который не удовлетворяет идеологов. В этом мире существуют конкурирующие социальные силы и идеологические построения. Исходная цель всякой идеологии — коррекция либо полное преобразование «старого мира». А потому идеологии несут в себе мобилизационный потенциал, импульс действенного преобразования.

Идеология диктует картину мира и вытекающую из нее систему норм таким образом, что любая другая позиция трактуется как чуждая либо прямо враждебная. Идеологические конструкции формируют острое неприятие альтернатив. Профанируют и демонизируют их, объясняют чьими-то происками, в основе которых лежат своекорыстные интересы врагов божественной истины и справедливости. В этом отношении идеологии выступают мощнейшими механизмами порабощения человеческого сознания. В культурно-психологическом плане идеологии представляют собой механизм *комфортного закабаления* сознания. Апеллируя к якобы очевидным резонам и обстоятельствам, психологически комфортным для адепта данного учения, идеологи выстраивают картину мира, в которой нет ни альтернатив, ни места для сомнений.

Наука и идеология. В последние двести лет идеология часто прикрывается лейблом науки, то есть знания надпартийного и объективного, заинтересованного исключительно в истине. Это — ложь. Любой профессионал сразу различает научный и идеологический тексты. Ученый не знает результата, к которому должно прийти исследование. Некоторое исходное представление есть, но и только. Идеолог же знает результат исходно. Идеологический текст раскрывает предсуществующую в сознании автора панораму.

Главный соблазн всех ложных доктрин — простой, понятный, легкообъяснимый и психологический комфортный мир. То есть именно то, что нужно маленькому человеку. Альтернатива, формирующаяся на путях движения к интеллектуальному мужеству, — крах Должного и глубочайшая коррекция устойчивых, якобы самоочевидных положений. В результате складывается картина сложного, дискомфортного, малоустойчивого и несправедливого мира. Для того чтобы жить в этом мире; жить, сохраняя достоинство и верность нравственным нормам, необходимо упомянутое выше интеллектуальное мужество.

Идеологическое сознание представляет собой огромный, неустрашимый пласт массовой ментальности. Крах одной идеологии ведет не к торжеству свободы, а к замене одной фальшивой, односторонней картинкой на другую, отличающуюся в массе деталей, но столь же одностороннюю. Поэтому самыми приличными оказываются переходные исторические эпохи, когда одна идеологическая традиция потерпела крах, а другая еще не успела устояться и окрепнуть, еще не стянула медными обручами головы подданных.

«Бодрячок», или Фальшь казенного оптимизма

Живя в нашей стране, мы с раннего детства окунались в атмосферу казенного оптимизма. Это радостно-бодрые и бесконечно фальшивые детские песни, и оптимистические мультики, в которых добро побеждает зло, лисица и волк уходят посрамленные, а козлята с поросятами весело пляшут по случаю избавления от напасти. И общая атмосфера детского кино и литературы, которую можно описать в сентенции — «жизнь советских ребят — это веселый праздник». Бесконечная повторяемость делала названную установку привычной и, казалось, единственно возможной. В этой атмосфере простая мысль о том, что праздник есть *упразднение от дел* и как таковой обретает цену и смысл только в контексте долгих и напряженных усилий, не приходила в голову.

Стих Федора Миллера «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять» памятен поколениям россиян, давно утратил автора и стал народным. Не так давно пришлось столкнуться с редактурой данного произведения. Из детского сада сын принес оптимистическое завершение. После строк «Пиф-паф! Ой-ой-ой! / Умирает зайчик мой» следовало «Принесли его домой, / оказался он живой». Воля ваша, но я решительно не постигаю, зачем делать из детей идиотов.

Мы живем в великой и прекрасной стране; «наш» народ просто обречен на светлое будущее. Жизнь прекрасна. В ней нет места страхам, боли, страданиям. Если и встречаются отдельные недостатки и проблемы, если «кто-то кое-где у нас порой» нарушает и причиняет страдания другим, то это частности, которые последовательно изживаются и непременно сгинут в стратегической перспективе.

Мы слышали это в самых разных редакциях тысячекратно, и такая установка входила в сознание как сама собой разумеющаяся. Массовому человеку свойственно смотреть на мир не собственными глазами, а глазами врожденной (усвоенной с молоком матери) культуры. Поэтому собственный жизненный опыт игнорируется или воспринимается как сумма частных и разрозненных наблюдений, в то время как культура диктует базовые истины о мире.

Так вот, все это — большая ложь, фундаментально искажающая природу бытия и базовые обстоятельства жизни человека. Одно из положений византийской философии утверждает, что бытие дано человеку в антиномиях. Так, относительно мира, в котором мы живем, справедливы два взаимоисключающих суждения: «мир прекрасен» и «мир ужасен». Посмотрите прекрасные панорамные кадры на каналах «National Geographic» и «Animal Planet». Сила их в том, что это не придуманный и нарисованный, но подлинный, зафиксированный камерой Мир Божий, в котором нам выпало жить. Посмотрите вокруг себя, и вы увидите не только серую обыденность, хлябь и ужасы окраин, но и высокую, подлинную красоту. Надо только поймать момент и найти ракурс.

В то же самое время каждый из нас, если он не круглый идиот, знает: мир ужасен, и бытие в нем трагично. Нет нужды перечислять болезни, смерть, страдания, отчуждение, зависть, злобу и страхи. Бесконечные заботы, буквально съедающие человека, пригибающие его долу. Насилие, ложь, предательство, безнадежно больные дети, беспомощные, нищие старики и многое, многое другое.

Окружающая нас по временам картинка устойчивого благополучия призрачна и не может притязать на суммативный образ реальности. Клошары, спящие на ступеньках вокзала, являют собой наглядный вызов обществу изобилия фактом своего существования, стойким запахом мочи от рваных штанов и давно немытого тела, утверждая, что не может быть общества, в котором *все сыты и счастливы*.

Бытие трагично. Трагедия бытия раскрывается человеку по выходе из детства (когда опека родителей отстывает, а молодой человек сталкивается с реальностью во всей ее полноте и готовится к самостоятельному вступлению в мир) и сопровождается до конца дней. Познание этой истины знаменует переход от отрочества к зрелости. В годы моей юности молодые люди из предместий делали себе наколку «Нет в жизни счастья», фиксируя открытие на руках или груди. Такова реальность. Из этого можно делать самые разные выводы как на уровне религиозно-философском, так и на уровне жизненной позиции отдельного человека. Но прежде чем делать выводы, данное обстоятельство надо признать.

Реальность такова, что не все рожденные оказываются в силах нести на своих плечах бремя бытия. Статистика фиксирует такое явление, как молодежный суицид. Подростки и молодые люди уходят из жизни по собственному желанию. Врачи подробно анализируют провоцирующие факторы и обстоятельства, описывают признаки кризисного состояния. В этих работах недостает одного обобщающего суждения: молодой человек выходит из детства и включается в большой, взрослый мир. Он неизбежно отдаляется от родителей и оказывается один на один с реальностью, которая (как реальность внешнего мира, так и внутренняя реальность собственного сознания и психического строя личности) оказывается страшной и неуправляемой. Со всем непохожей на те сказки про жизнь, которые окружали подростка с детства. Он не научился управлять своими страстями и не всегда знает, как поведет себя в следующую минуту. И наступает момент, когда уже нельзя подбежать к маме, уткнуться головой в живот и спрятаться от этого мира. Впервые молодой человек лицом к лицу сталкивается с трагедией бытия. И далеко не все выносят это столкновение.

Суицид молодых не единственная острая тема. Есть и еще один фактор нашей жизни — маргинализация, схождение с круга, медленное, но последовательное выведение себя из бытия достаточно значительного слоя общества. Здесь базовая стратегия — алкоголизация/наркотизация. Во все времена есть устойчивая доля людей, не вписывающихся в мир и «сходящих с круга». Сверх этого, периодически разворачиваются процессы схождения с исторической арены и выведения из бытия вчерашних, проигравших, не адаптирующихся к изменившемуся миру, о которых шла речь выше. Эти процессы существенно увеличивают объем слоя общества, ступившего на путь маргинализации¹⁴.

Наряду с эпохами сравнительно спокойного, континуального развития наступают эпохи революционных скачков и сломов. Здесь драматические события разворачиваются во весь рост. Переход на следующую стадию исторического развития возможен только тогда, когда большая часть вчерашнего, стадиально балластного, населения уходит из жизни. Исторические скачки сплошь и рядом сопряжены с драматическим сценарием прерывания исчерпавшей себя ментальной традиции. Носители уходящего исторического качества не воспроизводят себя в детях в случаях: а) физической гибели; б) деградации; в) профанированного прозябания с лейблом вчерашнего неудачника, от которого отрешиваются все те, кто стремится войти в новый мир и найти в нем пристойное место.

Мы говорим о полноценной трагедии целых поколений, спивающихся, отверженных, утративших способность понимать этот свихнувшийся мир, замкнувшихся в себе либо в обществе таких же вчерашних неудачников. Людей, лишенных историей важной человеческой радости — на старости лет узнать в своих детях и внуках

¹⁴ По оценкам экспертов, 15 % населения России выпивает 85 % алкоголя (Кирилл Титаев. Снижению уличной преступности мы обязаны «танчикам». Новая газета. 17.02.2017). Эти 15 % и составляют устойчивую группу маргинализирующихся сограждан, ставших на путь ускоренного выхода из бытия.

себя. Специфика российского общества состоит в том, что на протяжении последних ста лет в России, в пароксизмах эсхатологической истерии, умирало застойное традиционное общество, замещаясь микстом частично модернизированных мигрантов первого-второго поколений и носителей зрелой городской культуры. Периодически напряженные преобразования сменялись недолгими эпохами относительной стабильности («застой»), но затем разворачивался новый этап обвальных трансформаций, отрицавший и обесмысливавший строй жизни миллионов простых людей. В этих исторических условиях высокий уровень маргинализации неизбежен.

В столице и миллионниках это не так заметно, а в глубинке процессы маргинализации разворачиваются на глазах каждого, способного видеть окружающую его реальность. В советские времена существовал такой идеологический конструкт «активная жизненная позиция». Носители этого типа сознания обращаются и к власти, и к общественному мнению с громогласным призывом: «Помочь! Заслонить! Уберечь!» Бесмысленность и эгоистический подтекст этих социальных рефлексов, как правило, не осознается. Человеку, утратившему фундаментальные основания собственного бытия, нельзя запретить спиваться и кончать жизнь самоубийством. Нельзя по моральным основаниям, поскольку такая позиция покушается на его свободу. Далее, это эгоистично и жестоко. Он должен жить, поскольку для нас тягостна картина человеческой деградации и неприемлема сама мысль о том, что рядом с нами кто-то страдает и вымирает. Мы не хотим признать, что жизнь человека, ставшего на путь деградации, превратилась в непереносимые страдания. Можно объяснить, что самоубийство — грех, но жить или не жить, решает сам человек. Кроме всего прочего, любые попытки помешать естественному течению событий в подобной ситуации, как правило, бесперспективны. А бесперспективные в силу упомянутой выше общеисторической закономерности люди, неспособные к жизни в утвердившейся реальности, обречены на вымирание.

Понятно, что наше суждение скандальным образом разрушает прогрессистскую мифологию и оптимистический настрой нормативной картины мира. Из данной коллизии можно сделать два вывода: либо осознать мифологическую природу обозначенных воззрений, либо ринуться осуждать и «исправлять» реальность, не укладывающуюся в мифологическую картину. Массовый россиянин, для которого миф первичнее и онтологичнее реальности, как правило, выступает сторонником второго пути.

Пора изживать в себе жизнерадостного идиота и осознавать, что боль и страдания заключены в самой сути человеческой экзистенции. Что далеко не все смертные находят силы нести на своих плечах бремя жизни вообще и жизни в государстве и цивилизации в частности. И эти люди имеют моральное право деградировать и кончать жизнь самоубийством. Осознать, что созерцание боли и страданий, созерцание деградирующих и отверженных составляет неотъемлемый аспект человеческого бытия. Это одно из испытаний, которое дано каждому на жизненном пути. Нельзя заставлять человека удовлетворять стандартам поведения, представляющимся массовому человеку обязательными и естественными. Бездомный также естественен и неустраним из бытия, как и массовый человек.

Однажды пришлось столкнуться с печальным явлением. Получившие образование, взрослые люди не различают природные закономерности и культурные установления. Люди категорически отказываются осознавать, что человек — природное существо, вписанное в мир природы и подлежащее общим закономерностям живой и неживой природы. Утверждение: взятки — это нормальная и неустранимая реальность социальной жизни (а значит, можно стремиться минимизировать взяточничество, отдавая себе отчет в том, что явление это принципиально неустранимо) — встретило полное непонимание. Как же так, это ведь плохо? Верность

сакральному Должному и финалистическое советское сознание трансформируют картину мира. Нормально то, что установлено человеком здесь и теперь, то есть то, что задано актуальной культурой. Мысль о том, что существуют природные законы и природные процессы, которые представляются нам нежелательными, однако реализация этих законов природы *нормальна*, а ненормально нарушение или отмена действия каких-либо законов природы в определенном пространстве (и для этого необходимы особые технологии и специальные усилия), не укладывается в массовом сознании.

Раньше бедственное положение социальных низов проходило по ведомству ужасов эксплуататорского общества. История продемонстрировала, что в СССР и других странах, свободных от эксплуатации, нищета, депопуляция и деградация присутствуют куда шире, чем в лидерах «мира капитала». Мы не говорим про Кампучию Пол Пота или Советский Союз до 1956 года. Относительно спокойное позднесоветское общество деградировало и бедствовало куда энергичнее царской России. Иными словами, все не так просто. Люди, стоящие на общегуманистических позициях и зараженные прогрессистски-просветительским мировидением, отказываются видеть общеисторическую обусловленность процессов вымирания широких социальных категорий в эпохи исторических переходов. Никакая статистика не срабатывает. Историки и демографы оценивают человеческие потери России за XX век в 113 млн человек¹⁵. Разумеется, впрямую за это ответственны революции и правящие режимы. Однако и войны, и революции, и правившие в России политические режимы являлись (и являются) особой, варварской формой вписания в современность застойного общества, перманентно отгораживающегося от остального мира.

Читатель может обратить внимание на упомянутые автором «общегуманистические позиции». Как же так, ведь гуманизм — это хорошо? Гуманизм — это прекрасно, но надо отдавать себе отчет в том, что гуманистическая позиция в пределе *предполагает отказ от внутривидовой борьбы*, а это — химера. Вид homo sapiens нельзя вывести из пространства общебиологических детерминант. Такой отказ можно представить себе на уровне нравственной позиции отдельной личности. Что же касается человеческих сообществ, то здесь возможны: либо ханжеское лицемерие, прикрывающее дистанцию между прекраснодушными декларациями и реальными практиками, которые поддерживают и закрепляют собственные позиции в конкурентной борьбе, либо оттеснение и гибель рассматриваемого сообщества носителями менее возвышенной жизненной философии, которые остались верными практикам внутривидовой конкуренции. А относительно упований на изменение сознания всего человечества и дружный отказ от борьбы всех и каждого за кормушку, жизненное пространство и доминирующее положение в стаде надо сказать, что это — беспримесная химера.

Россиянин убежден: если люди страдают, болеют, нищенствуют, деградируют и вымирают, то в этом кто-то виноват — эксплуататоры, колонизаторы, злые пришельцы, международные корпорации. Нельзя признать, что перечисленные процессы соответствуют природе вещей, что они закономерны. Если допустить такое, то уютный и психологически комфортный мир рушится. Однако и страдания, и самые разнообразные проблемы, и схождение с исторической арены — закономерный и естественный процесс. Мы можем стремиться оптимизировать нашу социальную организацию и поведение с тем, чтобы минимизировать проявление тех или иных эффектов. Но снять их и полностью устранить в принципе невозможно.

Так, человеку свойственно ошибаться. Всякий организм, наделенный автономной системой принятия решений, иногда принимает неоптимальное решение. И чем

¹⁵ А. Г. Вишневский Демографическая модернизация России 1900—2000. М.: Новое издательство, 2006.

сложнее организм, тем шире и сложнее пространство поведения этого существа. Соответственно, тем шире и разнообразнее пространство возможных ошибок. Ошибка с самыми разнообразными последствиями как для ошибающегося, так и для других людей. К примеру, поведение, которое мы определяем как наркомания, присуще всем сложноорганизованным видам, наделенным нервной системой: птицам, млекопитающим. Кошачьи, козы, слоны, обезьяны предаются поеданию субстанций, вызывающих наркотический эффект. Это нормально. Человек входит в обозначенную нами группу живых существ, и только. Соответственно, он может как прожить жизнь в рамках приемлемой культуры потребления традиционных наркосодержащих субстанций, так и стать наркоманом.

Мир вирусов и бактерий постоянно эволюционирует и порождает новые виды, осваивающие обширную и постоянно растущую экологическую нишу, которую составляет популяция *homo sapiens*. Современная наука непрестанно борется с болезнетворными микроорганизмами, а они приспосабливаются к изменяющимся условиям, отвечая на лекарства и лечебные процедуры новыми видами. Это — также нормально. Соответственно, эпидемии, периодически прокатывающиеся по земному шару, и новые заболевания (такие, как СПИД), во-первых, естественны, а во-вторых, неустранимы.

Человек в принципе не может предвидеть всех последствий (и особенно отдаленных) широкого внедрения тех или иных технологий. Это выясняется только с течением времени. Осознание нежелательных последствий, их устранение или коррекция, приспособление к новой ситуации — рутинный фон существования общества эпохи напряженной технологической динамики. При всех проблемах и дискомфортной неопределенности эта ситуация нормальна и неустранима.

Так, за последние 70 лет человечество столкнулось с проблемой засорения земного шара (как суши, так и мирового океана) неразлагающимся полиэтиленом. По разным оценкам, в природной среде полиэтилен разлагается 150—500 лет. Ежегодно более миллиона птиц и 100 тыс. морских животных ошибочно потребляют полиэтилен в пищу, запутываются в пластиковых отходах, что приводит их к мучительной смерти. Технологического решения названной проблемы пока не найдено.

Однако массовый человек готов смириться с дрейфом континентов, цунами, землетрясениями и драматическими изменениями климата, признав их как нормальные природные процессы. Но нежелательные с точки зрения актуальной культуры проявления человеческой природы признавать отказывается категорически.

Следующее измерение нашей темы связано с *лояльностью*. Одно из испытаний, которое жизнь предъявляет человеку, состоит в выборе между верностью истине и собственной идентичностью, солидарностью со «своими» (этнически, идеологически, конфессионально, партийно). Ответы на этот вопрос даются каждым из нас в неисчислимых ситуациях. На наш взгляд, это испытание критериально. Тот, кто избирает верность идентичности, — индивид. Тот, кто избирает истину, — личность.

Поучительно на развернутом историческом примере рассмотреть, каким образом формируется практика корректировки реальности. Как и почему редактируют истину во имя самых возвышенных соображений: сохранения образа высокого и святого от пошлых, а случается и от страшных подробностей эмпирической реальности (вспомним диалоги Светланы Алексиевич). Почему массовый человек принимает святочные рассказы и отторгает истину, корректирующую возвышающую ложь. Как, казалось бы, приличные люди берут на свою душу грех оправдания очевидных негодяев и бесспорных преступлений. В данном случае мы имеем в виду историю христианства.

Здесь требуется вводное разъяснение. Политеистическое сознание толерантно. Язычник исходит из того, что у «нас» есть наши боги. Что же касается других людей, то им покровительствуют и ими управляют другие боги, которые к нам не имеют отношения. Разноплеменная толпа в больших городах, смешанные браки и жизнь бок о бок вели к тому, что до эпохи утверждения монотеизма каждый человек мог принимать те или иные верования. Это было его личным делом.

Победа монотеизма диктует совершенно иную картину мира. Если Бог один, то все иные боги суть бесы и демоны, противостоящие настоящему, то есть «нашему» Богу. В Библии политеизм номинируется язычеством, понимаемым как *измена* единому Богу. Само существование язычников, поклоняющихся своим ложным богам, есть вызов и оскорбление Творца. Однако еще большим оскорблением Бога является любая ересь как сознательное отклонение от догматов веры. Уровень ожесточения в среде христиан и мусульман (да, впрочем, и ортодоксальных иудеев) по отношению к еретикам существенно превосходит отчуждение и ненависть к язычникам (на это обращал внимание еще Юлиан Отступник).

Возникшее в I веке на территории Палестины как одно из мессианских движений внутри иудаизма, христианство формируется в напряженном конфликте с иудаизмом. Христианские историки рассматривают «гонения на христиан от иудеев» как хронологически первые. После Первой иудейской войны (66–70) и разрушения Иерусалимского храма пути иудаизма и христианства окончательно разошлись. Центр христианской проповеди переносится в столицу империи – Рим.

Вышедшее за рамки еврейского народа, христианство разворачивает напряженную и в высшей степени драматическую борьбу за души людей. В этой борьбе христианство противостоит сложнообозримому множеству религиозных культов и, шире, многовековой культуре античного общества. Христианство рождается в эпоху глубокого идейного кризиса античного мировидения и притязает на кардинальную смену парадигматики всего общества. Напряженный прозелитизм раннехристианских проповедников сталкивается как с противостоянием миллионов носителей традиционного сознания, так и с языческим государством, инстинктивно сторонящимся любых идейных брожений и стремящимся сохранить базовые основания римского целого.

Параллельно молодые христианские общины переживают доктринальное ветвление. Разные учителя по-разному трактуют те или иные аспекты формирующейся доктрины. Причем каждое направление естественно притязает на обладание единственной сакральной истиной. Поскольку истину и жизнь человек может обрести только во Христе (Ин. 14:6), любая альтернатива автоматически обрекает человека на гибель. Так возникает еще один фронт борьбы на уничтожение. Идеологическая борьба внутри христианства, борьба за статус ортодоксии переживает эпоху противостояния язычникам и продолжается на всем протяжении истории христианства. Термин «секта», первоначально употреблявшийся для обозначения философских школ, с началом христианской эпохи становится обозначением религиозных общин, отколовшихся от господствующей церкви. Точно такую же эволюцию переживает понятие «ересь». Уже апостол Павел помещает «ереси» в один ряд с грехами волшебства и идолослужения (Гал. 5:20). Помимо утратившего энергию язычества, христианству противостояли жизнеспособные идейные конкуренты. В то же самое время в римском обществе разворачивались еврейский прозелитизм, культ Изиды, митраизм.

Религиозные практики и образ жизни христиан несли в себе вызов традиционным устоям. Христиане отказывались отмечать народные праздники, участвовать в мероприятиях императорского культа, публично критиковали древние обычаи. Эсхатологическая устремленность раннего христианства, отторжение антич-

ного образа жизни вели к тому, что римляне видели в христианах людей, проникнутых ненавистью к человеческому роду. Христиане отторгались как образованным античным обществом, так и невежественной толпой. Их обвиняли в черной магии, а также приписывали христианам инцест и каннибализм. Отношение государства задавалось тем, что культ правителя империи являлся частью государственной религии. Надо помнить: жрецы и понтифики в Риме были государственными чиновниками. Для христиан поклонение «гению императора» (отказ принести жертву перед статуей императора) было невозможным, что расценивалось как преступление.

Начиная со времени правления императора Домициана (96 год) разворачивается эпоха более или менее систематических гонений. Время сравнительно мирного развития христианских общин сменялось периодами преследований христиан со стороны общеимперских или местных властей. Сплошь и рядом источником гонений становилась враждебность широких масс населения. Чернь видела в христианах причину любых несчастий и стихийных бедствий. Провинциальные правители часто сталкивались с разъяренной толпой, требовавшей без суда казнить христиан, и иногда уступали этим требованиям.

Самым суровым было так называемое Великое гонение (303–313), начавшееся при императоре Диоклетиане и продолжавшееся при его преемниках. Масштаб жертв Великого гонения по сегодняшним меркам скромный. Погибло 3000–3500 человек. Другие подверглись пыткам, были высланы, попали в заключение. В ходе гонений христиане всячески репрессировались. При Нероне вываленные в смолу и облепленные паклей христиане стали живыми факелами. Христиан отдавали на растерзание львам в цирке. Апостол Петр (да не только он один) распят на кресте головой вниз. Пергамский епископ св. Антип сожжен в медном быке и т. д.

Эпоха гонений породила яркую христианскую публицистику. Возникает апологетика (раздел теологии, посвященный рациональной защите истинности верования). Раннехристианские писатели-апологеты II–III веков защищали христианство и писали сочинения, направленные против его гонителей. Цитата из Тертуллиана: «Если Тибр вошел в стены, если Нил не разлился по полям, если небо не дало дождя, если произошло землетрясение, если случился голод или эпидемия, то тотчас кричат: христиан ко льву. Столь многих к одному? Спрашиваю вас: прежде Тиберия, то есть прежде пришествия Христа, сколь великие бедствия обрушились на землю и города?»¹⁶ — дает представление о вершинах этого жанра.

Гонения и противостояние традиционалистской массы не могли остановить распада античного космоса. Христианская община неумолимо росла. Миланский эдикт императоров Константина и Лициния от 313 года о веротерпимости на территориях Римской империи был важным шагом по пути превращения христианства в официальную религию империи.

Но после эдикта начинается самое интересное. Можно было бы подумать, что с установлением веротерпимости в империи кончается эра идеологического насилия и подавления инакомыслия. Однако не тут-то было. В борьбе с язычеством церковь двигалась к победе, пронизывая элиту римского общества. К III–IV векам христианство освоило культуру античности в той мере, которая позволяла найти дорогу к сердцу и разуму интеллектуальной и политической элиты. *Стратегическая цель*, поставленная лидерами христианской общины, — *нерушимый союз с государством*. Христианская проповедь проникает на самые верхние этажи римского общества. Декларация веротерпимости рассматривалась как шаг на пути к окончательной победе, которая состояла в превращении христианства в официальную религию империи и искоренении язычества. Борьба за лидирующие позиции в госу-

¹⁶ Тертуллиан. «Апология». Гл. 8.

дарстве, а значит — борьба с язычеством на уничтожение разворачивается практически сразу после Миланского эдикта.

Церковь мгновенно отреклась от Тертуллиана писавшего — «Право естественное, право общечеловеческое требует, чтобы каждому было предоставлено поклоняться тому, кому он хочет. Религия одного не может быть ни вредна, ни полезна для другого...»¹⁷. Миланский епископ св. Амвросий Медиоланский, духовный наставник императора Феодосия Великого, утверждал: стеснение язычников, результатом которого будет обращение их в христианство, есть триумф Церкви. Таковую же позицию поддерживал блаженный Августин. В корпусе христианских текстов зафиксирована куда более радикальная позиция. К примеру, латинский писатель, астролог Фирмик Матерн в апологетическом сочинении «De errore profanarum religionum», обращенном к сыновьям Константина Великого, требовал от императоров уничтожения язычников. Из этих убеждений вытекала соответствующая историческая практика.

Буквально сразу после эдикта начинаются шаги, направленные на ограничения и стеснения языческих культов. Церковь разворачивает борьбу с язычниками. Исходящая из общеполитической логики императорская власть не заинтересована в беспорядках и дестабилизации. Она занимает скорее позицию благожелательного нейтралитета по отношению к христианам. Но церковь, проникшая на высшие этажи власти, давит на императоров, смещая политику в сторону преследования вначале язычников, а затем инаковерующих (еретиков). В этой битве участвуют лидеры христианской общины, их сторонники, сочувствующие, монахи. Чернь, всегда готовая принять участие в любом погроме и поживиться за счет несчастных, получает идейное обоснование бесчинства. Ибо они не просто грабят, убивают и насилуют, а участвуют в великой битве на стороне истинного Бога. Вчера еще правоверные носители античной идентичности сначала превращаются в людей второго сорта, а потом — в гонимых.

Приведем всего один пример, связанный с историей св. Кирилла Александрийского (376—444). Св. Кирилл, архиепископ Александрийский, был представителем знаменитой епископской династии, человеком энергичным и амбициозным. Кирилл всеми мерами боролся за религиозно-политическую власть в Александрии, преследуя язычников, иудеев и христиан — противников его епископата, что неоднократно приводило к кровопролитию.

В частности, Кирилл активно боролся с иудейской общиной. По его инициативе иудеи были изгнаны из города, а их имущество конфисковано. Борьба Кирилла с обширной иудейской общиной Александрии шла вразрез с политикой римской власти и сделала его врагом префекта Ореста.

Здесь в нашей истории появляется новый персонаж — ученый и философ, язычника Гипатия. Преподавала в Александрийской школе философию, математику и астрономию. Гипатия принимала участие в александрийской городской политике, имея влияние на главу города, префекта Ореста.

Св. Кирилл опирался на верных ему боевиков — монахов из Нитрийской пустыни и парабаланов (христианская община, члены которой добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней в надежде таким образом принять смерть во имя Христа). Противники святого утверждают, что Кирилл решает убрать со своего пути самого известного в городе союзника Ореста — Гипатию.

По городу пошли разговоры, что именно она выступает против примирения патриарха и префекта, а потом появился новый слух: Гипатия якобы практикует чер-

¹⁷ Тертуллиан. «Апология». Гл. 28.

ную магию. Слухи достигли желаемого результата: мартовским днем 415 года толпа парабаланов напала на Гипатию, вытащила ее из повозки и потащила в церковь. Христианский историк Сократ Схоластик так описывает произошедшее: «Когда она возвращалась откуда-то домой, они стащили ее с носилок и привлекли к церкви, называемой Кесарион, потом, обнажив ее, умертвили черепками, [разорвали на части], а [куски] тела снесли на место, называемое Кинарон, и там сожгли. Это навлекло немалую хулу не только на Кирилла, но и на Александрийскую церковь [в целом]», то есть убийство Гипатии создало повод для порицания александрийских христиан¹⁸.

Христианские авторы ожидаемо отмечают причастность св. Кирилла, указывая на то, что документальных свидетельств этого не существует. Если учесть, что Кирилл оказался в стане победителей (как тех, кто позже был объявлен еретиками, так и язычников) и канонизирован, искать прямые документальные свидетельства — занятие малоосмысленное. С равным успехом можно было бы искать документальные свидетельства практики концлагерей на страницах «Völkischer Beobachter». Как справедливо отмечает П. Ф. Преображенский: «Христианская церковь чувствовала некоторую неловкость за кровавую расправу с Ипатией. Приходилось тщательно выгораживать Кирилла Александрийского, чтобы снять с этого признанного авторитета клеймо погромщика»¹⁹. Будем исходить из презумпции невиновности. При всех обстоятельствах ответственность за это гнусное преступление ложится на христианскую общину города.

История с Гипатией лишь один из эпизодов широкого процесса.

324 год — император Константин объявляет христианство единственной официальной религией Римской империи. Разворачивается практика разрушения и ограбления языческих храмов. Статуи и сокровища из разграбленных храмов направляются на украшение новой столицы империи — Константинополя.

Император Констанций (правление: 337—361) разворачивает новые масштабные гонения язычников. Вводится смертная казнь за все виды «идолопоклонства» и жертвоприношений. Принимается новый эдикт, повелевающий закрыть все языческие святилища. Некоторые из них оскверняются. Проходят первые сожжения хранящих языческую мудрость библиотек в разных городах империи. Запрещаются все виды гаданий и астрология.

Руины языческих храмов используются как каменоломни. Рядом с закрытыми языческими храмами создают предприятия для изготовления извести. Разбитые статуи языческих богов систематически пережигают в известь²⁰.

364 год — император Флавий Клавдий Иовиан правил недолго (363—364), но вошел в историю гонений на язычников. По его приказу сожжена Антиохийская библиотека. Это был языческий храм, выстроенный еще при Адриане, который Юлиан Отступник превратил в библиотеку. Практика принудительного обращения в христианство становится всеобщей, а возвращение христианина к вере отцов с некоторого момента рассматривалось как уголовное преступление.

Разрушение языческих храмов, убийство жрецов, уничтожение памятников превращается в рутинную примету эпохи. При императоре Валенте (370) *языческие*

¹⁸ Сократ Схоластик. Церковная история, 7, 15. Опубликовано на греческом языке Робертом Этье-ном в Париже в 1544 году.

¹⁹ Преображенский П. Ф. Вступление // Кингсли Ч., Маутнер Ф. Ипатия. Харьков: ИКП «Паритет» ЛТД, 1994.

²⁰ В 70-е годы прошлого века в глубинке Владимирской области бодрый старичок с комсомольским прошлым рассказывал автору о том, как в 30-е годы он «раздевал церкви», а другой респондент напомнил: иконами раздетых церквей топили районную электростанцию. Нет ничего нового под луною.

книги сжигают на площадях²¹. Наконец в 380 году в эдикте императора Флавия Феодосия провозглашается требование, чтобы «все народы, пребывающие под нашим милосердным и умеренным правлением, должны заявить о своей приверженности религии, которая принесена римлянам божественным апостолом Петром». Нехристиане называются «отвратительными еретиками, глупыми и слепыми». Амвросий Медиоланский приступает к уничтожению всех языческих храмов в подведомственной ему области.

391 год — в Александрии египетской восставшие язычники заперлись в Серапеуме (храме бога Сераписа, покровителя Александрии), где располагалось отделение Александрийской библиотеки. Ворвавшиеся внутрь христиане разгромили и сожгли библиотеку и надругались над культовыми изображениями.

392 год — своим указом Феодосий закрыл элевсинское святилище. Христианские священники и монахи натравливают толпу против храма Деметры в Элевсине и пытаются линчевать иерофантов Нестория и Приска. Девяностопятилетний иерофант Несторий завершает элевсинские мистерии и объявляет о грядущем впадении человеческого рода в умственную тьму.

В 419 году состоялся поместный Карфагенский Собор. Принятое на Соборе правило 69 гласит: «Да будет заповедано: и идолов истребить и капища их, в селах и в сокровенных местах без всякой благовидности стоящие, всяким образом разрушать». Правило 95: «Заблагорассуждено также просить славнейших царей, да истребляют всяким образом остатки идолопоклонства не только в изваяниях, но и в каких-либо местах, рощах или древах».

Борьба с язычниками идет полным ходом в V и VI веках. В VII веке она несколько затихает, но это связано с изживанием языческой традиции. Языческие практики, тайные жрецы, празднования календ и исполнение ритуалов прослеживаются вплоть до IX века. Но это уже разрозненные остатки целостной традиции, уничтоженной победителями. Жития христианских святых описываемой эпохи, подвизавшихся на ниве христианского просвещения язычников, часто содержат примечательный эпизод — сокрушение языческого идола. Идолы — это кумиры, статуи и другие изображения языческих богов.

Христианские авторы развернуто пересказывают истории гонений на христиан. Что же касается описанных нами событий, они если и излагаются, то сбивчиво и скороговоркой. Эти авторы склонны утверждать, что язычество скончалось, так сказать, «своей смертью»; что не так, языческое сознание, безусловно, переживало кризис и в широкой исторической перспективе было обречено. Но христианство сделало все для того, чтобы ускорить этот процесс и уничтожить язычество²².

Заметим, что в средние века церковь полагала происходившее в эпоху изживания язычества нормальным и естественным. Однако времена меняются, приходит Возрождение, утверждается новая культурная атмосфера, а затем и Реформация, и подробности торжества истинной веры оказываются не ко двору.

В подобной эволюции нет ничего чрезвычайного. Придя к власти, большевики утверждались за счет в высшей степени энергичных мер. Причем этого никто не скрывал. Был обнародован декрет СНК от 5 сентября 1918 года «О красном терроре». Далее, 21 февраля 1918 года СНК издал декрет «Социалистическое отечество в опасности!», который постановлял, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы рас-

²¹ Так вот где исторические истоки этой практики.

²² Подробнее история насильственного уничтожения язычества излагается в монографии: Вла-сис Рассаиас (Vlasis Rassias). «Сокрушите их». Афины, 2000. <http://www.proshkolu.ru/user/antic/blog/260842/>

стреливаются на месте преступления»²³. Вводится институт заложников, которых расстреливают в ответ на происки классового врага. Заложники — зримая примета эпохи. Фиксируя яркую примету революционной поры, пролетарский поэт Владимир Маяковский слагает стихи: «Ветер сдирает списки расстрелянных, / Рвет, закручивает и пускает в трубу. / Лапа класса лежит на хищнике — / Лубянская лапа ЧК». Издавался журнал «Еженедельник ВЧК» и т. д.

Проходят десятилетия, и в отредактированной, казенной версии истории Гражданской войны поминают 26 бакинских комиссаров, расстрелянных в сентябре 1918 года по приказу правительства Туркестана за сдачу Баку турецко-азербайджанским войскам. Поминают Сергея Лазо, по одной из версий сожженного в конце мая 1920 года казаками-белогвардейцами в паровозной топке живьем. Ни «красный террор», ни заложники, ни «концентрационные лагеря» не находят места в истории родной страны.

Расставим точки над *i*. Автор настоящего текста христианин. Правда, моя церковь не имеет отношения к описанным гонениям и духовно возводит себя к первохристианам. Тем не менее история раннего христианства со всеми ее ужасами и омерзением — реальность. Наш долг — знать ее и нести следующим поколениям. В назидание и поучение. Существуют грустная логика и страшная диалектика всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой по пути от секты к мировой религии христианство становится властным институтом, проникается злом мира сего, а далее притязает на абсолютное господство. На том этапе всемирно-исторического процесса христианизация Ойкумены по-другому была невозможна. Потребовались Реформация, войны Контрреформации, буржуазные революции и утверждение секулярного сознания для того, чтобы свобода совести стала безусловной конвенцией в цивилизованном мире.

Святая Инквизиция, судьба Джордано Бруно и Яна Гуса, крестовые походы против еретиков более или менее известны широкой публике. Что же касается первых веков утверждения христианства, то этот пласт истории остается в тени.

Суммируя, можно сказать лишь одно. В описанном нами виновато не христианство как доктрина, а человеческая природа носителей, интерпретаторов и практиков этой доктрины, попиравших самую суть и дух учения. Мерзкая природа человека, то самое низменное и паскудное, что есть в каждом и требует постоянной работы духа, следящего за тем, чтобы подавлять эти инстинкты и потенции. Придворные христиане при первых христианских императорах не вынесли одного из самых сложных и страшных испытаний — соблазна безграничной власти. Следовавшие за ними воспринимали репрессии, обращенные к язычникам и отколовшимся, как устоявшуюся и самоочевидную традицию и громили без размышлений, опираясь на авторитет сакрализованной иерархии.

Завершая наше исследование, сделаем оговорку: обозначая те или иные механизмы, с помощью которых культура манипулирует человеком, называя некоторые из мифов, показывая примеры идеологий, я лишь *прописываю типологию феноменов, отвечающих за абerrации человеческого сознания*. Развернутый и сколько-нибудь исчерпывающий перечень с подробным анализом природы явления потребовал бы солидной монографии. Предоставим вдумчивому читателю самостоятельно двигаться в глубь обозначенного нами пространства.

К примеру, обращаясь к культуре, я показал устойчивые механизмы манипуляции, заложенные в структуре культуры. Помимо этого, культура по-разному манипулирует человеком на разных этапах своего существования, добываясь собст-

²³ Декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Декреты Советской власти. Т. I. М., Госизд-во полит. литературы, 1957.

венного развития и самоосуществления в конкретных условиях. Интересы культуры и человека могут не совпадать в данной исторической ситуации. Однако культура стремится подчинить своих adeptов решению необходимых ей задач. Как правило, эти процессы оказываются вне поля зрения исследователей. Единственный известный автору пример — последняя монография А. А. Пелипенко «Контрэволюция» (Андрей Пелипенко. Контрэволюция. М.: Знание 2016).

И, наконец, последний сюжет. Бессмысленно задаваться вопросом, какое из суждений — «мир прекрасен» и «мир ужасен» — ближе к истине. Перед нами классический философский вопрос, на который не может быть единственного и конечного ответа. Поэты, философы и религиозные авторитеты могут спорить до бесконечности. Между тем в практическом аспекте подавляющее большинство людей выбирает жизнь. А это значит, что жажда жизни и страх смерти — в подлинном смысле решающие аргументы в формировании отношения к жизни большинства *homo sapiens*.

Мощная и самоочевидная человеческая эмоция, которую мы обозначаем как «жажда жизни», присуща всему живому и, безусловно, человеку. С ней сопряжена другая мощнейшая эмоция — страх смерти. Страх смерти имеет множество измерений, осмысливается и переживается по-разному. Но прежде всего в основании этой эмоции лежат биологический ужас и мобилизация всех сил человека в ситуации витальной опасности. Общебиологический смысл данной эмоции очевиден. Страх смерти оберегает живое существо от опасных ситуаций и мобилизует все силы организма в критические моменты. Жажда жизни работает в том же направлении, и в некотором смысле это взаимоперетекающие и неразделимые переживания.

Когда мы обращаемся к биологическим механизмам, детерминирующим общее отношение человека к жизни и миру, в котором живет человек, имеет смысл задать вопрос: какова судьба живой особи, негативно или хотя бы безразлично относящейся к жизни. По нашему разумению, такие существа обречены вымирать, не оставив потомства. Соответственно, выживают, плодятся и размножаются носители противоположной эмоциональной доминанты. Отбор по описанному нами параметру идет постоянно. Соответственно, закрепляется и утверждается позитивная, мироприемлющая установка.

Гностики называют это узлами материи, описывая материю как активную злую силу. Носители самых разнообразных религиозно-философских доктрин по-разному объясняют несовершенство нашего мира и отвечают на вопрос, как человеку жить в этом сложном и трагическом мире.

На наш взгляд, задаваться вопросом — почему мир несовершенен — занятие малопродуктивное. Это религиозно-философская проблема, и, по существу, любой ответ на данный вопрос является предметом веры, дискуссии здесь мало осмыслены. Что же касается вопроса — как жить в этом сложном и трагическом мире, — то это ключевая личностная проблема. Ответ на этот вопрос дает каждый из нас. Не имеет значения, рефлексивен ли он названную проблему и размышляет об интересующих нас сущностях или вырабатывает линию жизненного поведения инстинктивно, двигаясь от одной коллизии к другой и нарабатывая некоторую устойчивую колею. В любом случае человек отвечает на ключевое вопрошание, перед которым ставит его жизнь. Интеллектуальное мужество, с которого мы начинали наше исследование, представляется одним из важнейших оснований человеческой зрелости, необходимым моментом постижения природы этого мира и формирования человеческой позиции. Осмысленной, нравственной, соответствующей зрелой автономной личности.